

Фалалеева Людмила Александровна

ПОВСЕДНЕВНАЯ ПРАКТИКА СОХРАНЕНИЯ РЕЛИГИИ ПОВОЛЖСКИМИ НЕМЦАМИ В УСЛОВИЯХ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА (1930-Е ГГ.)

В статье на основе документов, извлеченных из фондов архивов г. Волгограда и г. Энгельса, а также опубликованных документов раскрываются особенности повседневной практики сохранения религии поволжскими немцами в условиях антирелигиозной политики государства. Автор приходит к выводу, что, вопреки жестким мерам, применявшимся в отношении верующих, немцы Поволжья старались сохранить традиционную религиозность, используя скрытые формы противостояния.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-2/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 2. С. 182-187. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47).6

Исторические науки и археология

В статье на основе документов, извлеченных из фондов архивов г. Волгограда и г. Энгельса, а также опубликованных документов раскрываются особенности повседневной практики сохранения религии поволжскими немцами в условиях антирелигиозной политики государства. Автор приходит к выводу, что, вопреки жестким мерам, применявшимся в отношении верующих, немцы Поволжья старались сохранить традиционную религиозность, используя скрытые формы противостояния.

Ключевые слова и фразы: немцы Поволжья; история повседневности; религия; атеизм; антирелигиозная политика; Советская Россия.

Фалалеева Людмила Александровна

Волгоградский государственный университет

Ludailina25@inbox.ru

ПОВСЕДНЕВНАЯ ПРАКТИКА СОХРАНЕНИЯ РЕЛИГИИ ПОВОЛЖСКИМИ НЕМЦАМИ В УСЛОВИЯХ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА (1930-Е ГГ.)

Религия являлась одной из важных составляющих жизни российских немцев. Именно она повлияла на семейный патриархальный уклад, традиции, обычаи. Стремительные перемены, начавшиеся в стране после 1917 г., затронули практически все сферы жизни. По мере укрепления советской власти на местах в повседневность граждан стали проникать новые элементы культуры, которые формировались под воздействием коммунистической идеологии. В 1930-е годы эти тенденции усилились. В результате в общественном сознании укреплялось атеистическое мировоззрение. Однако в разных регионах страны распространение антирелигиозных идей имело свои особенности. В Автономной Советской Социалистической Республике немцев Поволжья (АССР НП) антицерковная политика государства встретила серьезное сопротивление со стороны населения. На это повлиял ряд факторов. Во-первых, сказывалась национальная обособленность немецкого этноса, в основе которой лежала религиозная принадлежность (протестантизм, католицизм). Во-вторых, подавляющее большинство населения было занято в сельскохозяйственном производстве, следовательно, преобладал сельский образ жизни и традиционный семейный уклад. Тем не менее настрой большевистского руководства на воспитание нового человека был решительным.

Религия, а точнее Церковь как социальный институт, считалась одним из врагов нового режима, в связи с этим ее планомерное истребление началось буквально с первых дней советской власти и распространилось практически повсеместно. Это привело к неизбежной ломке устоявшегося образа жизни людей. Жесткая антирелигиозная политика, а затем и депортация в отношении российских немцев привели к серьезным изменениям этнических процессов, повлекли за собой разрыв связи между поколениями. Последствия этих мер имеют отголоски и в современный период, т.к. несколько поколений немцев выросли в условиях отсутствия знания о вере своих отцов и являются по существу атеистами советского образца.

Историки неоднократно обращались к изучению различных аспектов конфессиональной политики советского государства. Значительное количество публикаций посвящено судьбе православной церкви в годы революции и советской власти [1; 3; 19; 20]. Религиозные аспекты истории российских немцев отражены в работах О. А. Лиценбергер [12-15], А. А. Германа [4], Н. Э. Вашкау [2], О. В. Курило [10], А. А. Слезина и А. В. Баланцева [21; 22]. Изучению атеистической составляющей советской городской повседневности уделено значительное внимание в работе Н. Л. Лебиной [11]. В исследовании М. В. Егоровой [8] проанализированы стремления поволжских немцев к сохранению национальной идентичности и традиционных устоев жизни в первые десятилетия советской власти. Однако по-прежнему остаются малоизученными многие аспекты жизни немецкого общества на микроуровне в условиях антирелигиозной политики государства. В контексте истории советской повседневности важно обратить особое внимание на положение национальных меньшинств. Поэтому цель настоящей статьи – определить повседневные практики сохранения религии поволжскими немцами в условиях антирелигиозной политики государства в 1930-е гг.

Для раскрытия поставленной цели привлечены неопубликованные материалы из фондов музея-заповедника «Старая Сарепта», Государственного исторического архива немцев Поволжья в г. Энгельсе, Государственного архива Волгоградской области, Центра документации новейшей истории Волгоградской области, а также ранее введенные в научный оборот документальные материалы. Особый интерес представляют путевые заметки Ф. Зайлера¹, посетившего Поволжье летом 1932 г. Они содержат информацию о хозяйственно-бытовых, культурных и прочих особенностях поволжских немцев, повествуют о повседневной жизни некоторых социальных групп, в том числе подробно рассказывают о судьбе немецких пасторов.

¹ Фердинанд Зайлер – руководитель реферата по экономической помощи немецким меньшинствам в Центральной Европе в министерстве иностранных дел. Сын последнего форштеера Сарепты Эдуарда Зайлера. Ф. Зайлер в 1932 г. посетил Россию [9, л. 1].

В первое десятилетие советской власти были произведены значительные по своим последствиям мероприятия, направленные на разрушение институтов церкви. Во-первых, были приняты законодательные акты, которые зафиксировали отделение церкви от государства. Во-вторых, оформилась вертикаль административных, партийных и общественных структур, которые привлекали различные категории населения к активной общественно-политической жизни. В-третьих, появился опыт агитационно-массовой и просветительской работы среди населения. В-четвертых, в отношении церкви и верующих был применен жесткий экономический рычаг – изъятие церковных ценностей в период голода. В-пятых, был спровоцирован внутренний раскол в различных религиозных конфессиях. Произошедшие перемены поставили поволжских немцев перед необходимостью бороться за сохранение своей религиозности, так как она являлась основой их духовной жизни.

Перелом в борьбе с Церковью начался после принятия 8 апреля 1929 г. постановления Всероссийским центральным исполнительным комитетом и Советом народных комиссаров РСФСР «О религиозных объединениях» [23]. Постановление содержало запрет на проведение собраний верующих, избирание руководителей общин, организованное обучение детей религии, благотворительную деятельность, строительство и ремонт культовых зданий и т.д. без соответствующего разрешения властей. Теперь, для того чтобы иметь возможность реализовать свои права на вероисповедание, людям приходилось ежегодно проходить регистрацию в качестве членов религиозных общин. Этим они фактически официально обозначали свою позицию в отношении религии и коммунистической идеологии, рискуя испытать на себе последствия принятого решения. Если же община не проходила регистрацию в установленный срок, то она автоматически считалась несуществующей, разложившейся вследствие «социалистического строительства». В служебной записке Сталинградского губернского исполнительного комитета (исполкома), адресованной Нижне-Волжскому краевому исполкому, прослеживается судьба немецкой Евангелическо-лютеранской общины и кирхи. Из-за отсутствия пройденной перерегистрации эту общину официально признали закрытой, а все ее имущество и здание церкви беспрепятственно приняли в ведение местного административного отдела партии [6, д. 1890, л. 17]. Такие меры способствовали закрытию церквей и сокращению количества прихожан, но не привели к их полному исчезновению. Особенно в воскресные и праздничные дни жители немецких поселений стремились посетить церковь или молитвенный дом. Священники же, стараясь сохранить церковную утварь, необходимую для проведения священных таинств, прятали ее в частных домах прихожан.

С начала 1930-х гг. участились закрытия культовых зданий, перевод их в общественные и культурно-просветительские учреждения, а иногда и на хозяйственные нужды. Из фрагментов воспоминаний жителей немецких поселений и фотодокументов, опубликованных на страницах авторского сайта краеведа А. А. Шпака [18], складывается общая картина событий, связанных с закрытием церквей в поселениях поволжских немцев. Потрясение и отпечаток в памяти очевидцев вызывали факты осквернения алтарных надписей, снятия крестов, приспособление освященных мест под грязные хозяйственные работы. Эти меры чаще всего организовывали и проводили комсомольцы, а также местные партийные активисты, обращаясь крайне безжалостно с реликвиями и архитектурными памятниками. Доротея Герлицц вспоминала, как в середине 1930-х гг. снимали крест с немецкой церкви в ее родном селе Цюрих: «К кресту церкви привязали канат. Крест подпилили с одной стороны, чтобы легче было валить. Канат был привязан к лебёдке, которая находилась у школы напротив церкви. Лебёдку крутили пьяные представители власти. Мы как раз учились в школе, двухэтажное такое здание там было, и мы всё видели в окно» [26]. Описанный случай являлся далеко не единственным. Например, после закрытия лютеранской церкви в колонии Варенбург в 1932 г. в ней организовали клуб. Алтарную позолоченную надпись „Ehre Gott in der Hohe” («Слава Богу, Всевышнему») заменили красной надписью „Die Bühne ist der Spiegel des Lebens” («Сцена – это зеркало жизни»), все, что имело ценность, – разломали и растащили. С 1939 г. здание и вовсе было заброшено. Позже, в 1943 г., когда в с. Привольное открыли тюрьму, в бывшей церкви разместили машинно-тракторную станцию, где работали заключенные [28].

Верх кощунственного отношения к традиционным духовным ценностям демонстрировало превращение церквей в антирелигиозные музеи. В 1932 г. в одном из таких музеев г. Самары, организованном в здании немецкой кирхи, демонстрировали экспонаты, которые изображали Церковь как опору государственного и общественного угнетения. Однако большой популярностью у населения музей не пользовался. Слово погружая нас в атмосферу безысходной гнетущей тоски, Ф. Зайлер свидетельствует о тщеславном стремлении музея представить историю развития человечества и одновременно его бессилии в пробуждении интереса обывателей: «подле кассы сидели два маленьких мальчика. – Перед табачной лавкой стояла длинная очередь» [9, л. 6 – 6 об.]. Варварское разрушение церквей печально отразилось на внешнем облике немецких поселений – торжественность культовых зданий более не царила над архитектурой колоний, имевших более чем вековую историю.

Курс сторонников радикальных мер в борьбе с религией закрепил II Всесоюзный съезд безбожников, состоявшийся в июне 1929 г., где союз был окончательно оформлен. Он получил наименование Союз воинствующих безбожников (СВБ), что отражало изменившуюся политику партии и государства в отношении религии [2, с. 157]. В 1920-е гг. безбожники широко использовали антирелигиозные празднества, публичное чтение атеистической литературы, лекции, доклады. В 1930-е гг. благодаря поддержке правительства они смогли привлечь в качестве средства пропаганды принципиально новые технические средства – радио и кино. На антирелигиозном факультете института заочного образования по радио было организовано специальное национальное отделение. Согласно директивному отношению, поступившему от руководства этого института и Центрального совета СВБ (ЦС СВБ), в Республику немцев Поволжья спустили квоту для набора учащихся из числа немцев. Перед руководством немецкой республики поставили задачу – отправить для

обучения 1000 чел. Стремясь выполнить указание, было дано распоряжение организовать 1500 чел., из которых 1000 чел. составили немцы и 500 – представители русской и других национальностей, проживавших на территории республики [7, д. 1, л. 24 – 26 об.]. Но на деле обучение имело компанейский характер. Работа на местах проводилась, когда приезжали инструкторы по радиовещанию из ЦС СВБ или института.

Несмотря на внедрение новых форм работы, усиление административных мер, СВБ так и не смог продуктивно наладить работу. Отчеты оргбюро СВБ АССР немцев Поволжья пестрят сообщениями о бездействии активистов в городах и селах республики. Под давлением многочисленных предписаний со стороны вышестоящих организаций о необходимости расширения антирелигиозной работы, к этому приступили, как следует из отчетов, только в четырех кантонах: Старо-Полтавском, Бальцерском, Маркштадтском, Палласовском [Там же, д. 8, л. 13]. В отчете временно исполняющего должность председателя республиканского оргбюро СВБ т. Веретенникова мы читаем бодрые репортажи о том, что в немецких селах Маркштадтского кантона проводится активная лекторская работа. Выступали лекторы Д. М. Миллер, Л. Шефер, Шумахер, Кельм. Приведены темы лекций: «Социализм и коммунизм», «Материализм и идеализм», «Расовая теория германского фашизма», «Возникновение религии, в частности католической и лютеранской», «Существует ли жизнь на других планетах?». В качестве примера приводится «оживленная работа» в неполной средней школе Старой Полтавки, где имелась организация юных безбожников в количестве 70 чел. Если верить данным этого отчета, то ребята, входившие в кружок, не только сами аккуратно посещали лекции, но и приглашали туда своих родителей [Там же, л. 13-17]. Сравнивая уровень организации антирелигиозной работы среди населения кантонов и лояльность населения в отношении проводимой политики, мы обнаружили, что Старо-Полтавский кантон часто имел хорошие показатели в этом направлении. Им «любили» отчитываться перед центральными органами, но внимательное прочтение архивных документов показывает, что достигались показатели за счет привлечения населения русской и украинской национальностей.

Реальная ситуация с состоянием антирелигиозной работы среди немецкого населения отражена в документах из кантонов: Франкского, Иловатского, Каменского. В служебных записках ответственного секретаря областного совета СВБ, составленных по результатам обследования кантонов на предмет осуществления антирелигиозной работы, прямо записано, что системная повседневная антирелигиозная агитация и пропаганда среди населения отсутствовала. Ячейки СВБ никакой работы не вели, оргбюро бездействовало, ранее организованные ячейки распались, лекционная работа проводилась только во время религиозных праздников по инициативе партийных организаций [Там же, д. 22, л. 5, 10, 11]. Таким образом, антирелигиозная работа была пущена на самотек. Назначенные ответственные лица, несмотря на партийные установки и антирелигиозные курсы, чаще всего дискредитировали партию. Особенно это проявлялось во время публичных выступлений агитаторов. Например, член ВКП(б) Шульд, читая лекцию «О контрреволюционной деятельности религиозных сект в АССР НП и борьбе с ними», говорил о реальных фактах, связанных с приглашением меннонитов в Россию; связи Мюнцера с анабаптистами и т.п. Но, по мнению партийных коллег, такой контекст выступления являлся грубейшей политической ошибкой. Об этом мы узнаем из докладной записки заведующего антирелигиозными курсами Веретенникова, который утверждал, что тезисы не освещают контрреволюционной деятельности религиозных сект и т.д. [Там же, д. 8, л. 22 – 22 об.]. Такие сюжеты говорят о том, что к публичным выступлениям, открытой полемике по вопросам религии и атеизма советские партийцы на местах зачастую были не готовы. Чаще всего это было связано с тем, что еще совсем недавно большинство из них вышли из патриархальных семей, где чтит традиции и религиозную культуру.

Несмотря на то, что г. Энгельс во второй половине 1930-х гг. считался промышленным центром АССР немцев Поволжья, антирелигиозные мероприятия среди его населения также не были популярны. На заводах и предприятиях никто из сотрудников добровольно не посещал лекций, собраний и т.п. мероприятий, где выступали с атеистической пропагандой одни из лучших лекторов. В документах сохранились их фамилии: заведующий химической лабораторией сельскохозяйственного института и коммунистического высшего учебного заведения Корман, инструктор Наркомата просвещения Веретенников, научный сотрудник педагогической лаборатории Дубс, преподаватели Немецкого педагогического института Герваль и Чернушенко. Сами названия докладов – «Об эволюции жизни на земле», «Имела ли вселенная начало и будет ли она иметь конец?», «Религия и наука о вселенной», «Что такое душа и роль нервной системы у человека?», «Легенда о Христе, ее происхождение и классовая сущность», не подкрепленные научными фактами, сводились к чтению тезисов, присланных из райцентра, и не задевали глубинных вопросов вероучения [Там же, л. 14]. Это в очередной раз демонстрирует характерную в среде поволжских немцев особенность: отсутствие открытого сопротивления, но при малейшей возможности игнорирование и отстраненность от проводимых мер. Фактически религиозность сохранялась, тщательно скрывалась от глаз общественности и проявлялась только в кругу семьи. Поэтому среди немецкого населения кантонов большое распространение имели секты: меннонитов, адвентистов, баптистов, танцующих братьев и др. [14].

Сберечь и развивать религию среди членов семьи помогали книги, подаренные священником детям в день конфирмации. Чаще всего это были Евангелие или Новый Завет. На форзаце пастор оставлял памятную записку о торжественном дне и строку из Библии – как напутствие в дальнейшую жизнь. Такие книги хранили с особым трепетом, передавали из поколения в поколение, во время депортации возили с собою по многим городам. Не имея возможности приобретать иную религиозную литературу, отдельные фрагменты или молитвы переписывали от руки и передавали своим близким. На страницах книг встречаются аккуратные записки о родных, подобные тем, что оставлены на страницах книги, некогда принадлежавшей сарептянке

Норе Шеерман: «Сегодня наша любимая бабушка ушла на свою родину», имелось в виду, что она ушла к Богу. Здесь же записаны даты крещения Норы Шеерман [17]. Практика сохранения религиозной литературы способствовала обереганию элементов духовной культуры поволжских немцев даже в условиях жесткой национальной и антирелигиозной политики. Сохранность этих книг до наших дней свидетельствует о высокой морали, искренней вере и трепетном отношении к своей истории немцев Поволжья.

Пытаясь сломить дух верующих, члены СВБ чинили провокации в их отношении. В ответ проповедники Евангелия в СССР применяли собственные методы сопротивления. Пользуясь некомпетентностью лекторов во время дискуссий на религиозные темы, они обращали внимание на то, что по Евангелию Иисус Христос был пролетарского происхождения; слова, написанные на стенах советских клубов, впервые произнес именно Христос; литература, на которую опираются безбожники в своей пропаганде, написана буржуазными авторами, которые противоречат идеям марксизма и т.п. Проповедники призывали не бояться влияния советской школы, а наоборот, нести через верующих детей проповедь и Евангелие в школу и создавать там кружки верующей молодежи [7, д. 1, л. 39-40].

Ничтожная эффективность агитационных мер антирелигиозной кампании в 1930-е гг. привела к усилению репрессивных методов. Подобно многим регионам страны, по Республике немцев Поволжья прошла волна арестов и высылки священнослужителей. Э. Зайлер в своих записках много внимания уделил судьбам немецких пасторов и их семей, встречавшихся ему на пути. Из уст одного из саратовских священнослужителей ему довелось услышать о плачевном состоянии лютеранских и католических приходов Немреспублики. На горной стороне из 16 немецких пасторов официально исполняли свои обязанности 4 (один – в отставке) и на луговой стороне – еще 4. Один из пасторов не мог более выносить это и стал бухгалтером, другие хотели последовать его примеру. Некоторые деревни уже два года не видели более пасторов. Сам пастор, беседовавший с Э. Зайлером, два года назад был арестован в своей религиозной общине и был отправлен в г. Саратов, где месяц содержался в подвале без допроса, а затем неделями подвергался бесконечным допросам. Его обвиняли в контрреволюционном образе мыслей, а также в агитации против коллективизации и за эмиграцию, затем привлекли к тяжелым строительным работам. Наконец, поскольку против него не смогли собрать никаких доказательств и он отказался подписать протокол с выдуманными показаниями, его отправили в Москву, в тюрьму государственного политического управления (ГПУ). Там его скоро освободили и послали назад в Саратов, где 4 с половиной месяца спустя объявили, что он «может идти своим путем». Тем временем у него из-за неуплаченных налогов было описано имущество, т.к. жена не имела средств, чтобы за всё заплатить, домашняя утварь была уташена. А в отсутствие жены, которая ушла в поисках помощи, двое маленьких детей, больных скарлатиной, были положены просто на пол, так что они простудились и умерли [9, л. 7-8]. Жизненная история пастора П. не являлась исключительным примером. В 1930-е гг. подобного рода испытания довелось пережить большинству священнослужителей.

По данным О. А. Лиценбергер, всего за 20 лет советской власти из 350 лютеранских пасторов в СССР были репрессированы около 130 чел., из них более 90 – отбыли длительные сроки заключения в лагерях, 22 – умерли в заключении, 15 – были расстреляны органами ГПУ, четверо – пропали без вести. Более 100 – эмигрировали из страны. Только 30 чел. умерли своей смертью в первые годы советской власти, избежав ужаса арестов и пыток. По различным причинам: вследствие ареста, запрещения властей или по собственному желанию – должности пасторов оставили примерно 20 чел. О 80 пасторах не осталось сведений [15, с. 209-210].

Оставшись без пасторов, люди обращались к женам арестованных священнослужителей с многочисленными просьбами о крещении детей, отпевании усопших, проведении конфирмации. Так проявлялось стремление поволжских немцев сохранить традиционную обрядность. Жены пасторов хотя и нелегально и несистематически, но продолжали дело своих мужей. Их поступки вызывали заслуженное уважение и авторитет среди населения. Не стремясь к бурной общественной деятельности, они вдруг стали ее участниками. В поступках пасторских жен местные административные учреждения видели препятствия на пути к распрощанию мероприятий советской власти. Например, в 1926 г., по данным протокола совещания сельских женорганизаторов, был зафиксирован конфликт между женской организацией с. Визенмиллер Старо-Полтавского кантона и женой пастора, которая убеждала женщин обращаться за помощью при родах к ней, а не в больницу. Женорганизацию с. Визенмиллер возглавляла немка Ева Шефер. В результате распри она оказалась в затруднительном положении, так как не смогла повлиять на решения большинства. На примере этого села также можно увидеть, что из почти 600 женщин в число актива входило только 25 человек [24, д. 83, л. 3]. Остальные намеренно сторонились общественно-партийной работы.

Важно отметить, что вовлечение женщин в общественные, производственные и политические организации в Республике немцев Поволжья было весьма затруднительным. С одной стороны, это было связано с позицией немецких женщин, которые не желали заниматься посторонней деятельностью в ущерб «домашнему очагу». С другой стороны, немцы-мужчины часто не воспринимали всерьез значение женской работы на производстве и в общественно-политической жизни. Однако со временем, под воздействием агитационно-массовой работы советских учреждений, и в АССР НП произошли серьезные изменения. Разумеется, что за два десятилетия не были полностью преодолены стереотипы в общественном сознании немецкого населения Поволжья, но уже в середине 1930-х годов женщины наравне с мужчинами массово принимали участие в выборах, получали назначения на руководящие должности, возглавляли трудовые бригады и т.д. В некоторых кантонах республики выходили специальные печатные приложения к местным газетам на немецком языке, ориентированные на женщин-активисток [27]. С одной стороны, обозначенные тенденции способствовали финансовой и социальной независимости женщин от их мужей и отцов, но с другой стороны, существенно сокращали время нахождения в кругу семьи.

Такие перемены сказывались на воспитании детей и молодежи. Об этом страстно повествует современник описываемых событий Р. Лорец, который, проживая в Гернгуте (Германия), поддерживал переписку с немцами-сарептянами. На основании этих писем воссоздается картина повседневной жизни немцев в Поволжье начала 1930-х гг. По словам Р. Лорца, самым разрушительным по своим последствиям являлось воспитание молодежи в духе безбожия, неуважения к семье и браку. «Детям сызмальства вдалбливаются в голову коммунистические принципы, все иное – не просто было запрещено, – нет, оно осмеивалось, так что большим героизмом являлось исповедание религии. Священнослужители любой конфессии являлись истинными мучениками своей профессии». Р. Лорец с горечью сокрушался о том, что «сегодня во всей России еще имеется лишь небольшое количество евангелических пасторов; смены нет никакой, а старики частью умирают один за другим, частью расстреляны, сосланы и погибли в изгнании». Помимо этого, к воспитанию детей прибавлялась еще большая жилищная нужда. Зачастую несколько семей проживали вместе в одной комнате, это создавало антигигиеническую и аморальную обстановку, в которой подрастающая молодежь могла все слышать и видеть. Таким образом, можно представить себе, в каких условиях росло молодое поколение. Обыденной картиной становилось жалкое существование 19-летних отцов и еще более молодых матерей. Мало ощущалось какое-либо уважение и почтение перед старостью. – Молодежь вперед! Старость может вымирать! Обычаи и мораль устарели, а понятия «Бог» и «религия» стали порочны и смешны [16, л. 24 об. – 25].

Все эти трудности, нищета, падение морали и нравственности в первые десятилетия советской власти затронули большинство социальных групп, вне зависимости от их национального состава. Естественно, эти тенденции не могли обойти стороной поволжских немцев, что и отмечает Р. Лорец. Однако, несмотря на то, что обычаи и мораль стали терять авторитет в глазах молодежи, они по-прежнему играли важную роль в сознании зрелого поколения. В связи с этим в повседневной жизни людей проявлялась двойственность. С одной стороны, они становились неотъемлемой частью нового советского общества. С другой стороны, старались сохранить связь поколений и традиции.

Продолжение религиозных традиций в этом контексте имело большое значение для поволжских немцев. Поэтому, невзирая на полуполюгальный характер деятельности церквей, а тем более сект, религиозная жизнь, особенно в селах, не замирала. По-прежнему к Пасхе и Рождеству относились как к священным для христиан дням. По решению кантонного комитета ВКП(б) в ночь на Рождество с 24 на 25 декабря 1935 г. во всех селах Мариантальского кантона должны были проводиться антирелигиозные беседы. Однако они нигде не состоялись. В то же время, по информации НКВД, во многих селах, в т.ч. и в кантонном центре, «вечером собрались группы молодежи, изображая “младенца Христа”, ходили по домам, раздавая детям рождественские подарки, пели религиозные песни». Вручая детям подарки, некоторые из «божественных младенцев» задавали детям вопросы, вроде того, что был задан мальчику Лео Юнкеру: молится ли он за своего отца, осужденного на 10 лет, чтобы тот выжил и поскорее вернулся из заключения [5, с. 288-289]? В протоколах партийных собраний кантонов не раз отмечалось, что религиозная пропаганда среди населения очень сильна. Обнаруживалось, что даже члены сельского совета регулярно посещали церковь, чему фактически никто не противодействовал. Бывали случаи, когда за материальные поощрения люди вслух благодарили Бога. Например, когда многодетному гр. Шмидту, жителю Добринского кантона, выдали социальную помощь в размере 2000 руб., он публично воскликнул, что эти деньги были посланы ему Богом [25, д. 11, л. 52].

Религиозная активность верующих в Немреспублике даже в конце 1930-х гг. не угасала, несмотря на запреты. Так, в кантонах имели место следующие прецеденты. В г. Марксштадте была организована лютеранская группа. В Федоровском кантоне, в селе Тамбовка, вновь открыли церковь. В других кантонах верующие ходатайствовали об открытии церквей, секты устраивали молебны [7, д. 8, л. 17]. В 1937 г. жители сел Орловское, Обермонжу, Филиппсфельд и др. празднование 1-го Мая хотели приурочить к 16-му мая – дню празднования Троицы [Там же, л. 16]. И хотя в 1938 г. республиканский совет СВБ стал называться Областным советом СВБ наркомата просвещения АССР НП и насчитывал 20 кантонных и один городской совет, объединяя 536 ячеек и 14 099 чел. [Там же, предисловие, л. 1-2], большинство этих организаций оставались формальными, реально они практически бездействовали. В условиях укрепления тоталитарного режима советской власти свободы для вероисповедования оставалось все меньше. Властные структуры в первую очередь применяли насилие, это порождало страх среди населения и вынужденный отказ от привычных норм повседневной жизни.

Патриархальный уклад уходил в прошлое, светское образование вытеснило религиозное, домашнее воспитание сменилось общественным, церковные праздники официально стали рабочими днями, какое-либо выражение религиозности могло послужить поводом для ареста или репрессии. Разрушая традиционные устои, советская идеология формировала новые идеи, связанные с построением социализма, свободой и равенством всех трудящихся, эмансипацией женщин, просвещением молодежи, развитием науки и техники. Культивация принципов нового советского общества обеспечивалась через общественные и партийные организации, культурно-просветительские учреждения, периодическую печать, общественные собрания, через празднование революционных дат. В результате это привело к тому, что немецкая женщина признавалась полноценным участником общественной и политической жизни, молодежь вступала в комсомол, а школьники становились пионерами-активистами.

Однако, несмотря на жесткие запреты и репрессии в отношении верующих, религия продолжала оставаться духовным стержнем для поволжских немцев. Только им приходилось это тщательно скрывать от государственных органов и учреждений. По этой причине к концу 1930-х гг. религиозные проявления приобрели тайный характер, а борьба с атеистической пропагандой перешла в скрытые формы противостояния.

В обыденности немцев стали проявляться практики, направленные на сохранение религии. Они выражались через игнорирование антирелигиозных мероприятий; сохранение церковной литературы; почитание священных праздников; массовое обращение в сектантство; использование любых возможностей для проведения обрядов и таинств. Но все же отсутствие системного религиозного воспитания, жесткая политика государства в отношении религии сыграли свою роль. Немецкие обычаи и традиции повседневной жизни были неразрывно связаны с религией, поэтому когда большевики нанесли удар по церкви, это означало колоссальный урон культуре и национальному самосознанию поволжских немцев. Это привело к тому, что поколения немцев, рожденные в советский период, уже не были столь религиозны, как их родители.

Список литературы

1. **Алексеев В. А.** «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992. 299 с.
2. **Вашкау Н. Э.** Церковь и школа в Республике немцев Поволжья 1917-1937 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 1. Гуманитарные науки. 2000. № 2. С. 152-165.
3. **Гайда Ф. А.** Русская Церковь и политическая ситуация после Февральской революции (к постановке вопроса) // Материалы по истории русской иерархии: статьи и документы. М., 2002. С. 60-68.
4. **Герман А. А.** Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: МСНК-пресс, 2007. 576 с.
5. **Герман А., Герман Е.** Республика Немцев Поволжья // Немцы России: энциклопедия: в 3-х т. М., 2006. Т. 3. С. 271-292.
6. **Государственный архив Волгоградской области.** Ф. 313. Оп. 1.
7. **Государственный исторический архив немцев Поволжья.** Ф. Р-336. Оп. 1.
8. **Егорова М. В.** Поволжские немцы в стремлении к сохранению национальной идентичности, традиционных устоев жизни: автореф. дисс. ... к.и.н. Саратов, 2006. 29 с.
9. **Зайлер Ф.** Извлечения из российского дневника, 1932 г., с рассказом о посещении Сарепты / пер. О. В. Зайончковской // Музей-заповедник «Старая Сарепта» (МЗСС). Ф. 3. № 11158 оф.
10. **Курило О. В.** Лютеране в России. XVI-XX вв. М.: Фонд «Лютеранское наследие», 2002. 400 с.
11. **Лебина Н. Б.** Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб.: Журнал «Нева» – Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999. 320 с.
12. **Лиценбергер О. А.** Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI-XX вв.). М.: Фонд «Лютеранское наследие», 2003. 544 с.
13. **Лиценбергер О. А.** Евангелическо-лютеранская церковь и Советское государство (1917-1938). М., 1999. 432 с.
14. **Лиценбергер О. А.** Протестантские секты в немецких колониях Поволжья. // Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 245-253.
15. **Лиценбергер О. А.** Репрессии против лютеранских и католических священнослужителей в СССР // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 200-211.
16. **Лорен Р.** Судьбы Сарепты и мои личные впечатления за военные и послевоенные годы: 1914-1921 гг.: рукопись: в 3-х ч. / пер. М. П. Худенко // МЗСС. Ф. 3. Инв. № ОФ 14185 нк V. Ч. 3.
17. **Ляпина Н. В.** Презентация редких немецких изданий на выставке «Былых времен свидетели немые» в рамках Международного фестиваля немецкой культуры «Прошлое и настоящее Сарепты», посвященного празднованию 250-летия основания поселения: открытая лекция. Волгоград, 2015.
18. **Немецкие церкви на Волге** [Электронный ресурс]. URL: <http://wolgadeutsche.ru/history6.htm> (дата обращения: 25.09.2015).
19. **Одинцов М. И.** Государство и Церковь в России. XX век. М.: Луч, 1994. 171 с.
20. **Поспеловский Д. В.** Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. 306 с.
21. **Слезин А. А.** Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 82-91.
22. **Слезин А. А., Баланцев А. В.** Советское государство в борьбе с религиозным влиянием среди западных колонистов: роль комсомола (на материалах автономии немцев Поволжья, 1921-1925 гг.). // Политика и общество. 2009. № 10. С. 53-57.
23. **Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР:** в 7-ми т. М., 1959. Т. 2. 1929-1939. 495 с.
24. **Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО).** Ф. 10487. Оп. 1.
25. **ЦДНИВО.** Ф. 10491. Оп. 1.
26. **Andreas Raith.** Церковь Иисуса в немецком поволжском селе Цюрих [Электронный ресурс]. URL: <http://wolgadeutsche.ru/kirche/zuerich.htm> (дата обращения: 25.09.2015).
27. **Frau, Kollektiv und Zeitung** // Frau im Kollektiv. 1934. 17 November.
28. **Warenburg** [Электронный ресурс]. URL: http://wolgadeutsche.ru/kirche/_Warenburg.htm (дата обращения: 25.09.2015).

EVERYDAY PRACTICE OF RELIGION PRESERVATION BY THE VOLGA GERMANS UNDER ANTI-RELIGIOUS STATE POLICY (THE 1930S)

Falaleeva Lyudmila Aleksandrovna
Volograd State University
Ludailina25@inbox.ru

Using documents from Volgograd and Engels archival funds and published documents the paper discovers the specifics of the everyday practice of religion preservation by the Volga Germans under anti-religious state policy. The author concludes that, in spite of strict measures regarding the believers, the Volga Germans tried to preserve their traditional religiousness using the latent forms of opposition.

Key words and phrases: the Volga Germans; history of everyday life; religion; atheism; anti-religious policy; Soviet Russia.